

УДК 94 (41/99)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/12

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СТАРОСТИНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЧЕРВОННОЙ РУСИ И ПРИКАРПАТЬЕ В НАЧАЛЕ XVII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ ЮРИЯ МНИШКА СИГИЗМУНДУ III)

Н.В. Эйльбарт

Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена
Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
E-mail: ejlbart@mail.ru

Авторское резюме

Система административного управления в Первой Речи Посполитой представляет немалый интерес с точки зрения ее эффективности в условиях сильно ограниченной королевской власти. Часть исследователей склоняется к тому, что экономическое положение государства на рубеже XVI–XVII вв. характеризовало последний период «золотого века», другая же часть полагает, что налицо имелись признаки экономического кризиса и упадка. Основываясь на ценном историческом источнике – личной переписке сандомирского воеводы Юрия Мнишка (отца московской царицы Марины Мнишек) с польским королем Сигизмундом III, мы можем реконструировать множество тех трудностей и перипетий, с которыми он как администратор и представитель короля сталкивался в таких специфических регионах, как Червонная Русь и Прикарпатье (их специфика была обусловлена прежде всего полиэтничностью и приграничным положением этих территорий). Анализируя письма Мнишка королю, можно заключить, что данные территории, несмотря на наличие ценных природных ресурсов (соль и нефть), а также благоприятный для ведения сельского хозяйства климат, находились в состоянии все усугублявшегося экономического упадка. Причиной этой постепенной деградации служили неэффективные методы управления, а также частые военные вторжения с юга, включая взбунтовавшихся солдат, которым королевская казна не могла своевременно и в полном объеме обеспечить жалованье. Кроме того, данная переписка красноречиво характеризует личность сандомирского воеводы Юрия Мнишка и его отношения с королем Сигизмундом III.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Юрий Мнишек, Сигизмунд III, Смутное время, Червонная Русь, Прикарпатье, староство.

THE DAILY ROUTINE OF THE STAROSTWO ADMINISTRATION IN RED RUS AND SUBCARTHIA IN THE EARLY 17TH CENTURY (BASED ON THE LETTERS FROM YURY MNISZEK TO SIGISMUND III)

N.V. Eylbart

Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika River Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russia
E-mail: ejlbart@mail.ru

Abstract

The system of administrative management in the First Polish-Lithuanian Commonwealth is of considerable interest from the point of view of its effectiveness under severely limited royal power. Some researchers are inclined to believe that the economic situation of the state at the turn of the 17th century could be described as the last period of the “golden age”, while others believe that there were signs of an economic crisis and decline. The personal correspondence of the Sandomierz Voivode Yury Mniszek (the father of the Moscow Queen Marina Mniszek) to Polish King Sigismund III is a valuable historical source that allows reconstructing many of the difficulties and vicissitudes Yury Mniszek faced as the administrator and representative of the king in such regions as Red Rus’ and Subcarpathia, whose specificity was determined by the polyethnic population and border position. The analysis of the correspondence leads to the conclusion that, despite available natural resources (salt and oil) and favorable conditions for agriculture, these territories were in a state of ever increasing economic decline caused by ineffective management, frequent military incursions from the south, including rebellious soldiers underpaid by the royal power. In addition, this correspondence eloquently characterises the personality of Yuri Mniszek and his relationships with King

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Yuri Mniszek, Sigismund III, Time of Troubles, Red Rus’, Subcarpathia, starostwo.

Червоная Русь и Прикарпатье были, без преувеличения, наиболее полиэтничными и поликонфессиональными регионами Речи Посполитой, причем регионами приграничными, и подобное обстоятельство, соответственно, накладывало определенную печать на деятельность здесь королевской администрации. Прежде чем переходить к частностям, скажем несколько слов об особенностях системы старостинского управления в Речи Посполитой в исследуемый период.

Должности в Первой Речи Посполитой (как перед этим в Польском королевстве) делились на земские, придворные и коронные. Старосты, будучи носителями высших земских должностей, практически безраздельно властвовали на определенной территории, не подчиняясь воеводам, положение которых в тот период, в отличие от Средневековья, уже ограничивалось номинальным влиянием и скорее представляло собой почетное признание заслуг. Если рассматривать категории старост в этот период, то они делились на так называемые городские и негородские. И если первые были сопряжены с почти неограниченной светской властью над данной территорией, то вторые давали право на сборы налогов с крестьян и мещан, т. е. приносили немалые доходы (только на содержание старост подданные платили, например, десятую часть денежных доходов, отдавали третий сноп при сборе урожая, десятую рыбу при спуске пруда, а также самые разнообразные штрафы: 12 грошей за девицу, которая выходила замуж в другую деревню, гривну за порчу граничной межи и пр.). Четверть собранных средств (так называемую кварту) старосты отдавали королю. При пожаловании «негородских» старост сумма арендной платы, как правило, заранее обговаривалась в жалованной грамоте на ту или иную должность (Skrzetuski 1782).

«Городские» старосты имели в своих руках судебную власть не только над «низшими сословиями», но и над шляхтой. Гродский суд занимался уголовными делами и обладал так называемым «правом меча», т. е. правом вынесения смертных приговоров. При каждом таком суде, располагавшемся, как правило, в замке, была тюрьма (обычно находившаяся в подвалах или башне). Смертный приговор в коронных землях, на которых и располагались рассматриваемые нами староства, выносился за разбой, поджог, изнасилование и мужеубийство, причем само исполнение приговора также возлагалось на «городское» староство («право меча» распространялось и на решения, вынесенные церковным судом, а посему угрозы старосты «повесить попа или ксендза» выглядели вполне в рамках закона). Однако старосты, от чьего имени выносились решения, редко лично присутствовали на судах. Чаще всего они пользовались услугами подстаросты – шляхтича, безусловно, лично преданного, которому и препоручали

ведение дел, оставляя ему право подписи под приговором, или же собственноручно подписывали готовые решения.

Если говорить о «негородовых» старостах, то фактически староста в них становился арендатором королевских земель. Причем в таких случаях, владея чужим, он не отличался справедливостью и гуманностью. Наряду с крестьянами налогоплательщиками тут были и городские мещане. Из-за слабого по сравнению с Западной Европой развития торговли и ремесел в городах Речи Посполитой мещане вынуждены были заниматься сельским хозяйством. «Даже в больших городах, – писал польский историк Феликс Конечный, – мещане владели земледельческими хозяйствами за городскими стенами, находящимися на городской земле; в малых городах сельское хозяйство часто становилось главным источником существования для мещанина, гражданина города, которому не удалось развиться» (Konieczny 1924). Таким образом, городские мещане выполняли почти крестьянские повинности, предписанные им старостами, и платили налог с лана. В целом экономическое состояние городов Речи Посполитой уже в XVI в. было довольно сложным. Польский исследователь Д. Зубжицкий следующим образом характеризовал этот процесс: «В то время уже начались несчастливые времена для городов, некогда щедро одариваемых польскими королями. Пожизненные старосты стали одно за другим присваивать себе городские права, а именно право винокурения, которое во всех королевских городах принадлежало общине. Пока город был в состоянии проводить дорогостоящие судебные процессы при королевском дворе, до тех пор еще оставался при своих правах, как Львов; если же не имел ни денежных средств, ни способных мужей, кои бы защищали его вольности при дворе, то был вынужден покориться. Городу приходилось искать справедливости в судах за пределами королевского двора, потому как на месте именно этот самый староста, на которого подавали иск, был городским судьей, а посему одновременно и судьей, и стороной процесса» (Zubrzycki 1884: 210). Однако почти всегда собранных налогов старостам казалось мало, и они шли на самые невероятные измышления для их увеличения, нарушая ранее принятые права. Например, в 1586 г. львовские мещане обратились к королю с жалобой на тогдашнего львовского старосту Яна Гербурта за то, что он произвольно требовал с них налоги, запрещал выпас скота и свободную вырубку деревьев в старостинских лесах, что ранее им дозволялось королевским декретом.

Кто же становился от имени короля безраздельным властителем на этих землях? В Речи Посполитой, в отличие, например, от Франции, не существовало открытой продажи государственных должностей,

однако нередко наиболее доходные староства передавались тем, кто предлагал королю бóльшую компенсацию. В то же время случались прецеденты, когда монарх передавал доходную должность наименее состоятельному соискателю в надежде на его верность или же в награду за оказанные услуги. Недаром старостинскую должность в то время называли «куском хлеба за заслуги» («*panis bene merentium*») (Góralski 1988).

Скорее, ко второму типу королевских назначенцев принадлежал верховный управитель Львовской и Саноцкой земель сандомирский воевода Юрий (Ежи) Мнишек (1548–1613) (львовский, самборский, озиминский, саноцкий, сокальский, меденицкий и рогатинский староста), более известный в российской и польской истории как отец московской царицы Марины Мнишек и патрон самозванцев Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Все вышеперечисленные староства (за исключением «городового» Саноцкого) были пожалованы ему в конце 80 – начале 90-х гг. XVI в. и должны были стать основой для создания одного из самых крупных денежных состояний среди польско-литовской политической элиты. В польском Главном архиве древних актов (AGAD) сохранились две жалованные грамоты Мнишку на Самборское и Озиминское староства, а также на солеварни в Червонной Руси (обе датированы 20 июня 1588 г.). В первой из них отмечается, что король Сигизмунд III жалует Мнишку в пожизненную аренду Самборское и Озиминское староства с уплатой за это в королевскую казну 30 тыс. злотых, причем платеж разбивается на три части: 10 тыс. злотых – на св. Варфоломея (24 сентября), 10 тыс. злотых – на Рождество (24 декабря) и 10 тыс. злотых – на Зеленые Святки (конец мая – начало июня) (AGAD: 86–88). Вторая грамота, после перечисления заслуг назначаемого (где, кроме всего прочего, подчеркивается его роль охранителя за собственный счет польско-венгерской границы во время предшествовавшего вступлению на польский престол Сигизмунда III бескорольевья), гласит, что Мнишку передается в пожизненную аренду добыча соли в Дорогобыче и Коломые с ежегодной уплатой в королевскую казну 20 тыс. злотых (10 тыс. злотых – на Зеленые Святки и 10 тыс. злотых – на праздник Очищения Пресвятой Девы Марии (2 июля)) (AGAD: 86–88). Доходы с Самборского староства и солеварен поступали не в государственную, а именно в королевскую казну, т. е. составляли личные доходы его величества и употреблялись на содержание государя и его двора. Посему король очень щепетильно относился к поступлению этих платежей, а с целью проверки состояния своего имущества раз в пять лет назначал комиссию для так называемой люстрации, т. е. тщательной проверки и описи имущества староства.

До наших дней дошло (по крайней мере, обнаружено) около десяти писем Юрия Мнишка, адресованных Сигизмунду III. Из них четыре, датированные 1600, 1602 и 1603 г., перевод которых мы полностью приводим в приложении к настоящей статье, представляют его деловую корреспонденцию в качестве администратора. Мнишек посвящает государя в текущее положение дел в управляемых им от королевского имени землях. Письмо от 1600 г. и два письма от 1603 г. – это оригиналы за подписью и печатью сандомирского воеводы, хранящиеся в Курницкой библиотеке Польской академии наук. Весьма любопытное письмо от 1602 г. обнаружено нами в Российском государственном историческом архиве в фонде Н.И. Костомарова. Знаменитый историк, работая над фундаментальным трудом «Смутное время Московского государства», переписывал для себя с польских оригиналов наиболее интересные материалы. Среди них оказалось и вышеназванное письмо, о котором он никак не упоминает в опубликованном труде (Костомаров 1994) (отметим также, что и о местонахождении оригинала в черновых записях Костомарова ничего не сказано).

Письма, датированные 1600 и 1603 г., написанные напыщенным и крайне льстивым придворным слогом, рисуют безрадостную картину многочисленных убытков на управляемых Мнишком землях и полны просьб отсрочить хотя бы на несколько месяцев платежи в королевскую казну. «Пишу об этом с великой скорбью и стыдом, поскольку неотсылкой этих денег оскорбляю и доброту [ко мне] вашего королевского величества, и на себя навлекаю ославление и трудности. Но причина тому не что иное, как [плохие] времена, кои весьма мучат людей, а посему и я терплю убытки... Воистину не знаю, что мне делать из-за обнищания подданных вашего королевского величества», – сетует воевода в июле 1600 г. (ВК: 227–228). В одной из польских старинных рукописей нам довелось обнаружить «Хронику катаклизмов в Польше», которая повествует о том, что сильная засуха действительно имела место в Червонной Руси в рассматриваемое время. Например, под датой «1600 год» отмечено следующее: «Великая сухость, по причине чего корзина жита стоила 50 грошей» (BNIO 1: 230). Засуха и вызванное ею мелководье мешали отправке соли водным путем по обмелевшему Сану и, соответственно, спровоцировали срывы поставок «белого золота» на запад страны и простои. Два же предшествовавших года были, напротив, весьма влажными, однако не менее неудачными: «1598 год. После большого наводнения сильный голод, люди ели хлеб из желудей. 1599 – год с влажной зимой, не сеяли озимые», – повествует та же хроника. Таким образом, представляется сложным достоверно определить, была ли причина отсрочки платежей в неурожаях или же в расточительности

администратора и нерадивости его подчиненных, которым он, в свою очередь, мелкими частями сдавал в аренду земли, арендуемые им же самим у короля, что являлось на протяжении многих столетий достаточно типичным для крупных землевладельцев методом снятия с себя бремени управления (в письме от 24 мая 1603 г. Мнишек жалуется, что «был обманут многими своими арендаторами» (ВК: 319–320)). Во всяком случае, он не мог не понимать, в насколько затруднительное положение ставит себя перед «шведом» Сигизмундом, который, невзирая на услуги, ранее оказанные ему Мнишком, не желал ждать и прощать долги и, как видно из корреспонденции, при малейшей задержке платежей грозил судебными исками и конфискацией данных в управление земель экономии. Судя по всему, причина создавшегося положения была неоднозначной и заключалась не только и не столько в неумелом и недобросовестном управлении и природных катаклизмах, но и в приграничном положении этих земель, часто подвергавшихся нападению татар, а также разграблению со стороны солдат-конфедератов, возвращавшихся из заграничных походов. По крайней мере, из того же письма от 1600 г. мы узнаем, что еще несколькими годами ранее ситуация не отличалась подобным драматизмом. «Я не сомневаюсь, – пишет Мнишек, – что ваше королевское величество изволите помнить и то, что в прежнее время немалые суммы я давал наперед» (ВК: 227–228). Кроме того, для скорейшего покрытия долгов перед казной он делал очень тяжелые для себя шаги: продавал наследственные имения или же закладывал их за крупные суммы (например, в 1602 г. для срочных выплат королю он заложил одно из самых крупных своих имений – замок в Заложцах на Волыни с прилегающими деревнями – своей невестке Ефросине Дочи де Нагилюче за огромную сумму в 90 тыс. злотых) (Szamanska 2007). Практически в каждом письме сандомирский воевода просит короля прислать комиссию, «дабы удостовериться в здешних убытках», масштабы которых, вероятно, были очень ощутимы. Следует упомянуть, что и после того, как со смертью Мнишка эти земли перешли в управление другим лицам, ситуация в них изменилась только к худшему: сокращались доходы, безлюдели деревни, постепенно превращались в руины старостинские замки (например, на варшавском сейме 1623 г. много говорилось о татарских набегах, поджогах деревень, уменьшении добычи соли, что вызвало ее резкое подорожание во всем королевстве) (ВНИО 2: 265–266).

Однако во многих обстоятельствах Юрий Мнишек показывает себя как энергичный администратор, тем более в тех ситуациях, когда появляется угроза пополнению его казны. Интересен прецедент, возникший осенью 1603 г. вокруг основания в Меденицах, находящихся

в Львовской земле, первого в ее истории католического прихода и приезда туда ксендза-настоятеля (плебана). Как следует из текста письма, прибывшая от короля комиссия была настроена на передачу какой-то части земли для нужд нового католического прихода, и, конечно же, в таком случае она вышла бы из юрисдикции старосты и приносила доход не ему, а церкви. Мнишек, лично прибывший в Меденицы, занял довольно жесткую позицию и, несмотря на общеизвестную исключительную благосклонность Сигизмунда III к католической церкви, так писал государю в ноябре 1603 г.: «Там прежде никогда не было плебана, и если бы я склонился к тому, чего требует ксендз плебан, была бы эта вещь к великому ущербу доходов вашего королевского величества» (ВК: 331–332). Таким образом, мы видим, что собственные финансовые интересы были для сандомирского воеводы куда важнее, нежели пропаганда католицизма на восточных землях Речи Посполитой. Еще более он неумолим в отношении мещан, которые пытались смягчить свое положение через королевский суд и, по выражению Мнишка, «уклонялись от предписанных работ» (в частности, согласно декретам прежних королей, они обязаны были возить дрова на солеварни, чего категорически не хотели делать). В письмах он выступает против даже малейшей уступки и не принимает никаких доводов: «Теперь они настаивают на послаблениях, – пишет Мнишек Сигизмунду. – Насколько я знаю, они обеднели вследствие неурожайных лет, но, если изменить те повинности, которые издавна были им предписаны, это повлечет за собой большой ущерб доходам вашего королевского величества» (ВК: 331–332).

Из писем становится ясно, что о многих вещах воевода предпочитал говорить с государем лично и довольно часто, не менее трех раз в год посещал монарха в Кракове, лишь однажды оправдавшись перед ним за отсрочку приезда: «Придется мне сохранить силы свои и остаться для сбора денег», – пишет он в ноябре 1603 г., будто зная уже, что вскоре от короля последует приглашение прибыть ко двору вместе с таинственным московским самозванцем (в дальнейшем Мнишек утверждал, что случайно ехал по делам в Краков весной 1604 г. и ничего не знал о миссии сопровождавшего Лжедмитрия князя Константина Вишневецкого) (Эйльбарт 2015).

Наконец, характеризуя старосту как военного охранителя вверенной ему территории, можно сказать, что Юрий Мнишек, когда он этого действительно хотел, действовал весьма оперативно. Обстоятельства одной подобной акции по поимке предводителя конфедератов полковника Тенгоборского он не без самодовольства описывал королю в мае 1602 г. В то время из Валашского похода против господаря Михаила Храброго возвращались отряды польских наемников,

приведенных туда еще в конце 1600 г. гетманами Я. Замоиским и С. Жолевским, а также люблинским воеводой М. Собеским. Перейдя обратно границы Речи Посполитой и, видимо, не получив всей обещанной платы, они занялись разбоем и грабежами сначала близ Львова, а затем перешли на Перемышльскую и Саноцкую земли. В письме к королю Мнишек тонко намекает на ответственность за это своеволие бывшего командующего Марка Собеского (вероятно, своего давнишнего недруга) и, конечно, косвенно, не называя имен, гетманов Замоиского и Жолкевского. Благодаря деятельной помощи его сына Яна Мнишка, саноцкого старосты, посланным из Санока отрядам у самой венгерской границы удалось ночью напасть на лагерь конфедератов и выкрасть предводителя, некоего полковника Тенгоборского. Его заключили в тюрьму Саноцкого замка и, судя по всему, потребовали для него смертного приговора (помимо текста письма, нам не удалось обнаружить дополнительной информации по этому делу) (РГИА: 10–12). В то же время, когда в 1603 г. подо Львовом вновь появились занявшиеся разбоем солдаты, которые, по выражению Мнишка, «действуют “по-наливайковски”», он даже не попытался воспротивиться их нападениям, предпочитая жаловаться королю и лишней раз оправдывать этими событиями убытки и задержку сбора средств: «Рад бы я был спасти подданных вашего королевского величества, но сделать это (из-за большого их числа и нерассмотрения этих дел на сейме) нелегко и отважиться трудно. Эти своевольники распустили (невзирая на ваше королевское величество, государя своего) хоругви и с военной музыкой [идут] по землям вашего королевского величества. Плач бедных людей взывает к вашему королевскому величеству о спасении, дело идет о будущей опасности с этой стороны для Речи Посполитой. Советую и прошу ваше королевское величество обратить свое государево внимание на это дело во избежание дальнейшего зла» (ВК: 319–320).

В целом можно заключить, что система старостинского управления (будь то староства «городовые», как Саноцкое, или «негородовые», как Самборская экономия) в условиях бессилия как королевской власти, так и городов являлась пусть и слабым, но, по крайней мере, хоть немного действенным инструментом стабильности прежде всего в удаленных от столицы регионах. Жизнь в них ни в коем случае нельзя было бы назвать спокойной, процветанию не способствовали и многочисленные угрозы как чужеземного нашествия, так и собственных солдат-конфедератов или казацких бунтов (вспомним хотя бы крупные по своим масштабам и устрашающие по последствиям восстания Косинского и Наливайко или же конфедератов из «квартичного» войска, возвращавшихся из походов через юго-восток

страны и грабивших местное население). Что касается экономического управления, то оно было довольно близоруким и велось традиционными силовыми способами, а желание ввести какой-либо иной вид доходной деятельности если и присутствовало, то не находило продолжения. В то время, например, в Прикарпатье близ Кросно в Саноцком старостве (как, впрочем, и во многих других местах этого региона) были известны многочисленные выходы нефти, которую местное население называло «земным маслом» и использовало в качестве лекарственной мази и горючего вещества, однако дело так и не дошло до скольких-нибудь серьезных масштабов извлечения прибыли из торговли ценным ресурсом.

В приложении представляем выполненный нами полный перевод упомянутых писем Ю. Мнишка Сигизмунду III.

Приложение

№ 1

Письмо Юрия Мнишка Сигизмунду III от 11 июля 1600 г.

Наияснейший милостивый король, всемилостивейший государь и господин мой.

Верные и нижайшие услуги мои препоручаю милостивой любви вашего королевского величества, моего милостивого государя.

Коморник вашего королевского величества, моего милостивого государя, пан Наперковский отдал мне письмо с мандатом вашего королевского величества касательно тех денег, которые я должен отдать вашему королевскому величеству. Пишу об этом с великой скорбью и стыдом, поскольку неотсылкой этих денег оскорбляю и доброту [ко мне] вашего королевского величества и на себя навлекаю ославление и трудности. Но причина тому – не что иное, как [плохие] времена, кои весьма мучат людей, а посему и я терплю убытки. Как недавно я просил ваше королевское величество, моего милостивого государя в письме, дабы из милостивой любви своей на короткое время изволили мне попустить, так и теперь покорно прошу ваше величество, моего милостивого государя, дабы ваше королевское величество не изволили приказывать начинать против меня этот иск, а я за несколько недель буду стараться, чтобы доплатить вашему королевскому величеству сумму в шестнадцать тысяч четыреста восемьдесят восемь злотых и двадцать грошей, причитающиеся на прошлого святого Яна¹ (я полагаю, что до сего времени мой служка, взявши от одного моего арендатора в Люблине четыре тысячи злотых, отвез их в казну вашего королевского величества). С той же выплатой, которая

приходится на святого Варфоломея, ваше королевское величество изволили подождать до святого Мартина [11 ноября]. Со стороны выплаты с солеварен, я полагаю, что коморник вашего королевского величества сполна забрал те восемь тысяч золотых, которые причитаются от меня вашему королевскому величеству, хотя сверх того и из [денег, полагающихся] на оплату фрахта [соли], мой слуга недовез мне более тысячи золотых. Также выплата с солеварен в десять тысяч золотых выпадала на прошлые [Зеленые] Святки, за вычетом из нее кварты причитается заплатить восемь тысяч семьсот восемнадцать золотых и пятнадцать грошей. Из Медениц также на [Зеленые] Святки приходится две тысячи, за вычетом из коих кварты причитается заплатить в казну вашего королевского величества тысячу восемьсот пять золотых и три гроша. Также из выплаты с Самбора, приходящейся на святого Варфоломея, за вычетом кварты и иных вещей, что мне утверждены казной вашего королевского величества, причитается мне заплатить в казну вашего королевского величества семь тысяч сто тринадцать золотых и десять грошей. Так покорно прошу ваше королевское величество, моего милостивого государя, дабы ваше королевское величество со всем этим до учинения моего расчета с казной вашего королевского величества изволили повременить, с сим [расчетом] если не будет сейма, еще до Рождества буду у вашего королевского величества. А поскольку ваше королевское величество остаток из суммы прошлой выплаты изволите желать иметь сполна, то я прошу ваше королевское величество для подтверждения убытков, прежде чем будет собран остаток, изволили кого-нибудь прислать. Потому как воистину не знаю, что мне делать из-за обнищания подданных вашего королевского величества. Поскольку и во всем этом всецело полагаюсь на милостивую любовь вашего королевского величества, моего милостивого государя, которую сполна жажду себе сохранить, нежели этим расстроить ваше королевское величество, только и повторю вашему королевскому величеству, моему милостивому государю, нижайше прося, дабы ваше королевское величество не изволили на меня гневаться из-за этих проволочек и не приказывали подавать этот иск, и без того, Господь Бог даст, во всем оправдаюсь перед вашим королевским величеством. Я не сомневаюсь, что ваше королевское величество изволите помнить и то, что в прежнее время немалые суммы я давал наперед. Посему и до смерти буду стараться заслужить своими услугами это милостивое снисхождение вашего королевского величества, как и иные ласки и благодеяния вашего королевского величества.

Я получил и второе письмо вашего королевского величества о том, чтобы не пропускать людей из государств вашего королевско-

го величества на службу другим государям, потому и в этом случае буду придерживаться инструкции вашего королевского величества. По моим сведениям, через Самборщину никто не проходил, кроме пана Юрия Стадницкого² весной.

О Михаиле³ после отъезда его посланца к вашему королевскому величеству ничего нового нет, кроме того, что слышно, как Михаил, прослышав о каких-то изменениях в Семиградской земле, с более чем тысячью всадников бежал в Семиградье, оставив свое войско в Валахии.

Засим повторно нижайшие услуги мои препоручаю милостивой любви вашего королевского величества, моего милостивого государя.

Дан в Самборе дня 11 июля лета 1600.

Вашего королевского величества, моего милостивого государя, верный и нижайший слуга Юрий Мнишек, воевода сандомирский.

Источник: Biblioteka Kórnicka 01403. Kk. 227–228.

№ 2

Письмо Юрия Мнишка Сигизмунду III от 11 мая 1602 г.

В настоящее время [к городу] подступило немало казаков, коих большая часть, воротившись из Валахии и Семиградской земли, не остается на честной рыцарской службе, но своевольно становится [лагерем] около Львова и, после моего отъезда из Львова выслал от своего полка членам магистрата какую-то записку (копию которой посылаю вашему королевскому величеству), предались грабежам и своеволию, о чем, я полагаю, вашему королевскому величеству уже успел дать знать его милость пан воевода люблинский [Марк Собеский], коему я об этом писал. Не знаю, из их ли числа или нет, но сейчас вновь там же, подо Львовом, собралось до трехсот всадников, в то время, когда я выезжал сюда в Прикарпатье, и, думая идти в Венгрию, пустились через Самбор. Имея на сей счет универсалы вашего королевского величества, я послал к ним с напоминанием, чтобы они оставили эту дорогу, протестацию о сем посылаю вашему королевскому величеству из Перемышльской крепости. Когда этого выполнить не хотели, я принял меры к тому, чтобы создать им трудности в переходе самборских гор, почувствовав это, они было хотели повернуть на Леско, но и там, почувствовав опасность, идя военным строем, повернули на Санок. Там в то время сын мой [Ян] проводил гродский суд, послал к ним узнать, куда они идут, и, когда дали знать, что в Венгрию, напомнил им, чтобы они это оставили. Однако почти ничего на это не сказав (что ваше королевское величество изволите понять из протестации, посланной из Саноцкого града), они пошли

мимо Кросно и ночевали недалеко от Дукли, в деревне Робач, принадлежащей вашему королевскому величеству. Там их настигли слуги моего сына и, не имея иного способа, напали на них ночью, захватили одного их полковника, некоего Тенгоборского, и отослали его для заключения в Санок. С ним на сей час власти в Саноке поступили именно так, как ваше королевское величество изволите уразуметь из письма от них. Я же тем временем, дабы обезопасить от этой угрозы, послал во Львов сына своего, старосту саноцкого, взяв на себя то, чтобы дать знать о том вашему королевскому величеству. Отсылая вашему королевскому величеству решение на их счет саноцких властей, прошу, дабы ваше королевское величество по милостивой ласке своей и ради успокоения этого своеволия изволили дать свою монаршую инструкцию о справедливом над ним постановлении, поскольку многие люди с великой радостью ожидают приговора вашего королевского величества и наказания этого поступка, дабы обезопаситься от такового своеволия. Тем более что все его товарищество с другим полковником, неким Липским, хочет идти на Жмигород, другие же и большая часть ушли в Венгрию. Повторно при сем препоручаю всяческие нижайшие услуги мои милости вашего королевского величества, моего милостивого государя.

Дан в Дембовце дня 11 мая Anno Domini⁴ 1602.

Вашего королевского величества, милостивого моего государя верный и нижайший слуга Юрий Мнишек, воевода сандомирский.

Источник: РГИА. Ф. 1603. Оп. 1. Д. 12. Л. 10–12.

№ 3

Письмо Юрия Мнишка Сигизмунду III от 24 мая 1603 г.

Наияснейший милостивый король, милостивый государь и господин мой.

Нижайшие и верные услуги мои препоручаю милостивой любви вашего королевского величества, моего милостивого государя.

Испытывая столь частыми проволочками со стороны внесения мною причитающейся платы терпение вашего королевского величества, не знаю, что теперь написать, кроме того, как повиниться перед вашим королевским величеством за эту задержку. Однако невозможно не сказать вашему королевскому величеству и то, какова причина того, что и теперь еще не отсылаю денег вашему королевскому величеству. Опускаю то, что, выезжая из Кракова, был обнадешен одним приятелем моим в получении двадцати тысяч злотых, которые до меня не дошли. Теперь же разошлись у меня и те десять с чем-то тысяч злотых, которые были отложены во Львове, посему не имею

иной надежды, кроме как на те деньги, которые дадут мне во Львове от продажи одного моего имения через две недели от будущей среды. А более не знаю, что еще сделать в этом затруднении моем, кроме как не переставать молить о милости вашего королевского величества и просить повременить, смиренно прошу ваше королевское величество по щедрой милости своей продлить мне время для этой оплаты. Сам Господь Бог видит, что я не оставляю всяческих стараний, дабы собрать причитающиеся от меня вашему королевскому величеству суммы и как можно скорее отослать их (хотя Господь Бог так управил, что из-за мелководья не мог отправить соль и был обманут многими своими арендаторами). Даст Господь Бог выполнить эти обязательства перед вашим королевским величеством, и я буду стараться о том, чтобы и эту милость вашего королевского величества, оказанную мне в сей задержке, как можно скорее заслужить.

От комиссии ксендза Помаского и пана подкомория перемышльского [Килиана Дрогоевского] имею тяжбу перед судом вашего королевского величества с самборскими мещанами, на предмет которой их милости [комиссары] не обозначили мне и срока. А поскольку дело это такого свойства, которое содержит в себе значительное умаление доходов в экономии вашего королевского величества, то прошу ваше королевское величество приказать отложить его до моего приезда к вашему королевскому величеству; и без того господа мещане задержались [в Кракове] надолго, могут и еще подождать.

Те же господа комиссары перепутали мои окрестности солеварен из декрета вашего королевского величества с некоторыми деревнями ординации⁵. Правду сказать, в том терплю убыток до нескольких тысяч бочек соли по той причине, что не возят мне дерева. Прошу ваше королевское величество приказать и это отложить до моего приезда, а в то время чтобы до дальнейшего решения вашего королевского величества, согласно давнему декрету вашего королевского величества, как и в прежние времена они к месту работ в солеварни возили дрова.

Не рад буду занимать ваше королевское величество дальнейшим писанием, но, разумея в том необходимость предостеречь ваше королевское величество, постараюсь быть кратким. Прошу ваше королевское величество приказать внимательно следить за солдатами, часть которых уже перешла в Венгрию, другие и сейчас направляются туда, а часть к этому готовится. Поверьте тому, ваше королевское величество, что этих солдат насчитывается до нескольких тысяч и едва ли не все они поступают по-наливайковски, более всего их в предгорьях. Люди oinantur⁶ что-то злое от этой толпы, не может быть такового без какого-либо вождя, имя которого они не хотят от-

крыть. Был здесь у меня коморник вашего королевского величества пан Голковский (который также с этой целью поехал ко Львову) и некоторые учиненные ими обиды и безбожные своеволия описал, о чем и я был бы рад упомянуть в этом письме, но не хочу занимать этим благородный слух вашего королевского величества, вкратце, однако, коснусь сего, сердце болит, глядя на таковые не только убытки, но и скверные их дела. Рад бы я был спасти подданных вашего королевского величества, но сделать это (из-за большого их числа и нерассмотрения этих дел на сейме) нелегко и отважиться трудно. Эти своевольники распустили (невзирая на ваше королевское величество, государя своего) хоругви и с военной музыкой [идут] по землям вашего королевского величества. Плач бедных людей взывает к вашему королевскому величеству о спасении, дело идет о будущей опасности с этой стороны для Речи Посполитой. Советую и прошу ваше королевское величество обратить свое государево внимание на это дело во избежание дальнейшего зла.

О господах солдатях квартяных и лифляндских также слышно, что, не удовлетворившись расчетом, данным вашим королевским величеством, они грозят какой-то конфедерацией. Но я не сомневаюсь, что ваше королевское величество изволите от кого-либо другого иметь об этом достаточные известия. При сем повторно препоручаю нижайшие и верные услуги мои милостивой любви вашего королевского величества, моего милостивого государя.

Дан в Самборе die 24 Mai Anno 1603⁷.

Вашего королевского величества, моего милостивого государя, верный и нижайший слуга Юрий Мнишек, воевода сандомирский.

Источник: Biblioteka Kórnicka 01403. Кк. 319–320.

№ 4

Письмо Юрия Мнишка Сигизмунду III от 20 ноября 1603 г.

Наияснейший милостивый король, милостивый господин и государь мой!

Верные и нижайшие услуги мои препоручаю милостивой доброте вашего королевского величества, милостивого моего государя.

Зная, что ваше королевское величество занят важнейшими делами Речи Посполитой, осмеливаюсь занять сими малыми вещами уши вашего королевского величества, моего милостивого государя, и я поведал бы об этом деле лично, если бы прибыл к вашему королевскому величеству. Видя, что придется мне сохранить силы свои и остаться для сбора денег, причитающихся от меня вашему королевскому величеству, и принимая во внимание то, чтобы из-за

молчания или из-за проволочек этих дел не дать повода к умалению доходов вашего королевского величества, сообщаю о сих делах вашему королевскому величеству, милостивому моему государю. Прежде всего то, что после присылки нового плебана в Меденицы и прибытия комиссии вашего королевского величества я сам поехал в Меденицы. Не дожидаясь того, как я отдам ей свою контроверсию, не вполне в комиссарском акте описаны мои объяснения [в защиту себя], я вынужден был сделать то, чтобы подать их в гродский [суд], делая известным вашему королевскому величеству то, что там прежде никогда не было плебана, и если бы я склонился к тому, чего требует ксендз плебан, была бы эта вещь к великому ущербу доходов вашего королевского величества. А то, что приближается мне срок [расчетов] с ксендзом плебаном, все сие предоставляю решить вашему королевскому величеству, моему милостивому государю, не желая занимать ваше королевское величество долгим письмом.

Я намеревался также информировать ваше королевское величество, какой великий *deminutio*⁸ произошел на соляных копях вашего королевского величества, в Нагойовцах, соляной деревне вашего королевского величества, после свежеполученного декрета. Однако, если Господь Бог позволит, предпочитаю устно о том дать ответ вашему королевскому величеству. Если бы на сей счет я бы не имел давнишнего декрета вашего королевского величества, то меня не беспокоили бы эти обращения к вашему королевскому величеству. Но имею первый декрет вашего королевского величества, а речь идет о немалом ущербе для вашего королевского величества, даст Господь Бог, лично предстану с этим делом перед вашим королевским величеством.

Я также имею мандат вашего королевского величества в отношении меденичан, которые уже с ним были несколько раз отпущены от вашего королевского величества, что справедливо должны остаться при всех тех повинностях, описанных ксендзом Маковецким при передаче мне Медениц. Теперь они настаивают на послаблениях. Насколько я знаю, они обеднели вследствие неурожайных лет, но, если изменить те повинности, которые издавна были им предписаны, это повлечет за собой большой ущерб доходам вашего королевского величества.

Также и подданные Роповской аренды принесли декрет вашего королевского величества, а они уклоняются как от межевания, так и от предписанных им работ. Прошу, дабы ваше королевское величество изволили прислать своего комиссара для межевания, который бы, присмотревшись к качеству земельных участков и взяв меру длины из прилегающих деревень, учинил бы справедливое межевание.

Как и прежде, так и теперь призываю ваше королевское величество, моего милостивого государя, и покорнейше прошу о присылке комиссара дабы удостовериться в здешних убытках. Когда же, даст Бог, прибуду к вашему королевскому величеству, счастлив буду во всем оправдаться и произвести достаточный денежный расчет. При сем повторно препоручаю низжайшие мои услуги милостивой доброте вашего королевского величества, моего милостивого государя.

Дан в Самборе дня 20 ноября лета Господня 1603.

Вашего королевского величества, моего милостивого государя, верный и низжайший слуга Юрий Мнишек, воевода сандомирский.

Источник: Biblioteka Kórnicka 01403. Кк. 331–332.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет о празднике Яна Купалы.
2. Юрий Стадницкий герба Шренява – родственник супруги Юрия Мнишка Ядвиги Тарло, родной брат Станислава Стадницкого («Ланьцутского дьявола») и Мартина Стадницкого, гофмейстера двора царицы Марины Мнишек.
3. Речь идет о валашском господаре Михаиле Храбром.
4. Лета Господня (лат.).
5. Речь идет о Ляшецкой ординации – латифундии, принадлежавшей Юрию Мнишку, где располагались в том числе его частные солеварни.
6. Предчувствуют (лат.).
7. Дня 24 мая лета 1603 (лат.).
8. Ущерб (лат.).

ЛИТЕРАТУРА

РГИА - Российский государственный исторический архив. Ф. 1603. Оп. 1. Д. 12. Л. 10–12.

AGAD - Archiwum Główne Akt Dawnych. MK 135. Кк. 86–88.

БК - Biblioteka Kórnicka 01403. Кк. 227–228, 319–320, 331–332.

ВНИО 1 - Biblioteka Narodowa im. Ossolińskich. Rkps. 1453. F. 5. D. 1. K. 230.

ВНИО 2 - Biblioteka Narodowa im. Ossolińskich. II 3552. Кк. 265–266.

Костомаров 1994 - *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства. М., 1994. 800 с.

Эйльбарт 2015 - *Эйльбарт Н.В.* Семья Марины Мнишек: несостоявшиеся правители России. СПб., 2015. 232 с.

Góralski 1988 - *Góralski Z.* Urzędy i godności w dawnej Polsce. Warszawa, 1988. 284 с.

Koneczny 1924 - *Koneczny F. Dzieje administracji w Polsce w zarysie*. Wilno, 1924. URL: http://www.nonpossumus.pl/biblioteka/feliks_koneczny/adm/II_8.php (дата обращения: 10.09.2017).

Skrzetuski 1782 - *Skrzetuski W. Prawo polityczne narodu polskiego*. Warszawa, 1782. T. 1. 448 s.

Szamanska 2007 - *Szamanska I. Wiśniowieccy*. Monografia rodu. Wydawnictwo Poznańskie. Poznań, 2007. 552 s.

Zubrzycki 1884 - *Zubrzycki D. Kronika miasta Lwowa*. Lwów, 1884. S. 210.

REFERENCES

The Russian State Historical Archive. (n.d.) Fund 1603. List 1. File 12. pp. 10–12.

The Central Archives of Historical Records in Warsaw. (n.d.) MK 135. pp. 86–88. Kórnik Library 01403. Kk. 227–228, 319–320, 331–332.

The Ossolineum National Library. Man.1453. Fund 5. File 1. K. 230.

The Ossolineum National Library. II 3552. pp. 265–266.

Kostomarov, N.I. (1994) *Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva* [The Time of Troubles in the Moscow State]. Moscow: Moscow State University.

Eylbart, N.V. (2015) *Sem'ya Mariny Mnishek: nesostoyavshiesya praviteli Rossii* [The family of Marina Mniszech: Unaccomplished rulers of Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Góralski, Z. (1988) *Urzędy i godności w dawnej Polsce* [The offices and dignities in Old Poland]. Warsaw: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza.

Koneczny, F. (1924) *Dzieje administracji w Polsce w zarysie* [History of administration in Poland]. [Online] Available from: http://www.nonpossumus.pl/biblioteka/feliks_koneczny/adm/II_8.php (Accessed: 10th September 2017).

Skrzetuski, W. (1782) *Prawo polityczne narodu polskiego* [Political law of the Polish nation]. Vol. 1. Warsaw: [s.n.].

Szamanska, I. (2007) *Wiśniowieccy. Monografia rodu* [The Wiśniowieckis. The family monograph]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

Zubrzycki, D. (1884) *Kronika miasta Lwowa* [Chronicle of the City of Lviv]. Lviv: Nakładem autora.

Эйльбарт Наталия Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Россия).

Nataliya Eylbart – Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

E-mail: ejlbart@mail.ru